

СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ

2

Сергей Алексеев

**Собрание сочинений. Том 2.
История крепостного мальчика.
Жизнь и смерть Гришатки
Соколова. Рассказы о Суворове
и русских солдатах. Птица-слава.
Декабристы. Охота на императора**

Издательство «Детская литература»

1951-1979

УДК 821.161.1-081
ББК 84(2Рос=Рус)6-я44

Алексеев С. П.

Собрание сочинений. Том 2. История крепостного мальчика.
Жизнь и смерть Гришатки Соколова. Рассказы о Суворове и
русских солдатах. Птица-слава. Декабристы. Охота на императора
/ С. П. Алексеев — Издательство «Детская литература»,
1951-1979

ISBN 978-5-08-005284-2

Во второй том пятитомного Собрания сочинений известного детского писателя Сергея Петровича Алексеева (1922–2008) включены исторические повести, изображающие жизнь народа крепостной России в XVIII–XIX веках, циклы рассказов о великих полководцах, Суворове и Кутузове, и ратных подвигах русских солдат, произведения о восстании декабристов 1825 года и подготовке покушения на императора Александра II. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-081
ББК 84(2Рос=Рус)6-я44

ISBN 978-5-08-005284-2

© Алексеев С. П., 1951-1979
© Издательство «Детская
литература», 1951-1979

Содержание

История крепостного мальчика	6
Глава первая	7
Родное село	7
Продали	8
Как жили	9
Розги	10
Гуси	11
Валенки	11
Дорога	12
Глава вторая	14
Граф Гушин	14
Дудка	14
Немой	15
Артисты приехали	16
Ушел	17
Погоня	18
«Вот ты где!»	19
«А он вовсе и не страшный»	20
Как скрипел снег	20
Генеральная репетиция	21
Даша заболела	23
Страшное	23
Пожар	24
Глава третья	25
Беглый	25
В Петербурге	26
Человека убили	27
На войну	27
Измаил	28
«Вставай, барин!»	30
Медаль	31
Прощай, Вяземский!	33
Глава четвертая	35
Неожиданная встреча	35
Блаженный	36
Карты	36
«Императрица»	37
«Ать, два, левой, правой!»	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Петрович Алексеев
Собрание сочинений. Том 2. История
крепостного мальчика. Жизнь и смерть
Гришатки Соколова. Рассказы о Суворове
и русских солдатах. Птица-слава.
Декабристы. Охота на императора

© Алексеев С. П., наследники, 2014

© Алексеева В. А., 2014

© Алексеева В. А., составление, 2014

© Косильников Б. М., иллюстрации, 2014

© Непомнящий Л. М., иллюстрации, 1982

© Пчелко И. И., наследники, иллюстрации, 1988

© Григоренко М. В., дизайн оформления, 2014

История крепостного мальчика

«Сколько стоит мальчик?» – «Какой нелепый вопрос! – скажете вы. – Разве мальчики продаются?! Разве можно торговать людьми!»

А ведь это было.

Было это во времена крепостного права, когда помещики могли продавать и покупать людей, как вещи.

В этой повести рассказывается о том, как жили в России почти двести лет назад.

Давайте мысленно перенесемся с вами в те времена.

Митя Мышкин – главный герой повести – мальчик, которого продали. Судьба его удивительна и необычна.

Вместе с ним вы побываете у барыни Мавры Ермолаевны, попадете к графу Гуцину, познакомитесь с девочкой Дашей, поедете на войну... Впрочем, не будем забежать вперед. Ведь обо всем вы узнаете, прочитав повесть.

Глава первая Барыня Мавра Ермолаевна

Родное село

Село называлось Закопанка. Стояло оно над самой рекой. С одной стороны начинались поля. Уходили они далеко-далеко, куда глаз видел. С другой – был парк и усадьба господ Воротынских. А за рекой, за крутым берегом, шел лес. Темный-темный... Страшно было в лесу, а Митька бегал. Не боялся, хотя и фамилия у него была Мышкин.

Прожил Митька в Закопанке десять лет, и с ним ничего не случилось. И вдруг...

Как сейчас, помнит Митька то утро. Прибежала в избу дворовая девка Маланья, закричала:

– Аксинья, Аксинья, барыня Кузьму кличут!

Собрался отец, ушел. А когда вернулся, страшно и посмотреть: осунулся, посерел. Отозвал Кузьма Аксинью за дверь и стал о чем-то шептаться. Митька приложил ухо к двери. Только о чем говорил отец, так разобрать и не смог. И лишь по тому, как заплакала мать, как заголосила на разные лады, понял: случилось недоброе.

– Тять, тять! – приставал Митька к отцу. – Скажи, что такое, а тять?

Только отец стал какой-то недобрый, всё отмахивался и ничего не говорил.

А вскоре прибежали Митькины дружки, позвали на улицу.

– Митяй, а вас продают! – закричали ребята. – И Гришку продают, и Маньку продают, и Савву одноглазого продают!

Митька сначала и понять не мог, а потом понял. Вспомнил: год назад тоже продавали. Все плакали. Только продавали тогда кого-то другого, не Митьку, а теперь, выходит, его продавать будут. А как, он и не знал. И зачем продавать? Митьке и здесь неплохо.

Продали

Шумно, празднично в воскресный день на ярмарке в большом селе Чудове. Скоморохи прыгают, гармоника играет, распевают песни подвыпившие мужики. И всё разумно на ярмарке. Ряды идут по базарной площади. В одном ряду гусей и разную птицу торгуют, в другом стоят возы с мукой и зерном, в третьем продают огородную мелочь. А дальше идут скотные ряды. Тут коровы, козы, овцы... А рядом со скотным и еще один ряд.

Здесь продают людей.

Выстроились в ряд мужики и бабы, а перед ними прохаживаются баре да управляющие – те, кто ведет торг.

Подходят господа к мужикам, меряют с ног до головы взглядом, заставляют открывать рот – зубы смотрят, ладони рассматривают. Потом торгуются.

На базар в Чудово привезли и закопанских мужиков.

Сгрудились они в одну кучу, стоят, как овцы. Смотрит Митька по сторонам: и боязно и интересно.

Рядом с Митькой по одну сторону – мать и отец, по другую – Кривой Савва...

– Ты чуть что – реви, – поучает Савва Митьку. – Баре, они ох как слёз не любят! Может, не купят.

Однако реветь Митьке нет надобности. Продает закопанских мужиков староста Степан Грыжа. Кричит Грыжа, нахваливает товар. Да только к закопанским мужикам никто не подходит.

– Сегодня покупателей нет, – сказал Савва. – Мужик к осени не в цене.

Успокоился Митька, осмелел, стал в носу ковырять: ждет, когда повезут назад, в Закопанку.

Да только под самый конец базара появилась в людском ряду старая барыня. А за барыней, словно на привязи, шел мужик. Борода нечесаная, рожа заспанная, в руках кнут. Прошла барыня по людскому ряду раз, два, взглянула на Митьку и остановилась. Грыжа сразу ожил.

– Добрая баба! – заговорил, показывая на Митькину мать. – И мужик при ней. Баба смиренная, работающая.

А барыня только на Митьку смотрит и ничего не говорит.

– Добрая баба... – опять начинает Грыжа.

– Но, но! – прикрикнула барыня. – Ты мне зубы не заговаривай. Мальчишкой мы интересуемся.

Замялся староста, умолк: неудобно как-то мальчика одного продавать.

А барыня снова:

– Ты что, язык проглотил? Сколько мальчишка, спрашиваю?

Замер Митька, ждет, что скажет Грыжа. А Кривой Савва Митьку в бок: мол, пора, пускай слёзы. Взвыл Митька, как под ножом, – даже Грыжа вздрогнул. А барыня хоть бы что. Подошла, Митькины руки пощупала, в рот заглянула, за ухо подергала.

– Так сколько? – снова спросила Грыжу.

Помялся староста, а потом решил: хоть какая, да прибыль, – проговорил:

– Пять рублей.

– Что?! Да ты где такие цены, бесстыжий, выискал! Два с полтиной.

– Четыре, – скинул Грыжа.

– Три, – набавила барыня.

Однако Грыжа уперся. Ушла барыня. Кривой Савва толкнул Митьку; тот смолк, вытер слёзы, даже улыбнулся.

Но барыня не отступилась. Походила, потолкалась по рядам, вернулась снова. Стала около Митьки.

– Ест много? – спросила Грыжу.

– Ест? – переспросил староста. – Да не, чего ему много есть. Мало ест, больше пьет воду.

– Так какой он мужик, раз ест мало, – сказала барыня.

Понял Грыжа, что дал маху, стал выкручиваться:

– Так это он зимой ест мало, когда работы нет. А летом – у-у, что птенец, прожорлив!

Барыня снова ощупала Митьку, осмотрела со всех сторон, сказала:

– Три. Красная цена ему три.

За три рубля и отдали Митьку.

Взял нечесаный мужик, что был с барыней, мальчика за руку, дернул. А Аксинья, Митькина мать, как заголосит, как бросится к сыну.

– Дитячко мое! – запричитала. – Ох, люди добрые, сил моих нет... – Прижала к себе Митьку. – Не пушу, – кричит, – не отдам!

Подбежал Грыжа, оттолкнул Аксинью. А бородатый мужик обхватил Митьку, приподнял, словно куль, взвалил на плечи.

– Ой, ой! – взвыла Аксинья и вдруг смирилась; обмякла, осела и рухнула на землю.

Забился Митька, как карась на уде, заколотил по спине нечесаного мужика ногами. А тот лишь прижал крепче и потащил к выходу.

Впереди, поднимая подол длинного платья, шла барыня. Сзади голосила мать. А на площади прыгали скоморохи, играла гармоника и подвыпившие мужики тянули песню...

Как жили

Была барыня Мавра Ермолаевна помещицей из бедных. Жила одна, детей не имела. И был у нее всего один дом, десятина земли да две души крепостных – кучер Архип и кухарка Варвара.

Когда-то был у Мавры Ермолаевны муж. Служил офицером в армии, да погиб на войне. Получала теперь барыня пенсию. С нее и жила. Стоял дом Мавры Ермолаевны на взгорке, у реки, в самый притык к полям графа Гущина.

Дом барыни был малый – в три комнаты. Во дворе стояли хлев для коровы, сарай для лошади и гусятник. И еще во дворе была банька, при ней-то Архип и Варвара жили. А около баньки росла кудрявая и пушистая, единственная на весь двор березка, и висел на березке скворечник.

Жизнь в доме у Мавры Ермолаевны начиналась рано. Просыпалась барыня с рассветом. Выходила в ночном халате на крыльцо, кричала:

– Варвара! Варвара!

Выбегала заспанная Варвара; шла, помогала барыне мыться и одеваться. Пила барыня по утрам сбитень, потом ходила по подворью. Смотрела, как Архип коня чистит и солому у коровы меняет, как Варвара на кухне возится. Затем Мавра Ермолаевна шла в гусятник. Любила барыня гусей кормить.

– Гусеньки мои, гусеньки! – выводила она старческим голосом.

После обеда барыня почивала. Вставала к ужину. Проверяла, подоила ли Варвара корову. Снова пила сбитень, раскладывала карты и часов в восемь ложилась спать. И так изо дня в день.

Только в субботу день был необычный.

После обеда Архип топил баню. Мылись все вместе.

Вслед за баней начиналось главное: барыня порола своих крепостных. Летом – прямо на улице, зимой – в сенцах господского дома. Архип приносил широкую скамью, Варвара раз-

мачивала в соленой воде розги. Когда завела барыня такой порядок, Архип и Варвара не помнили. Давно это было. Привыкли.

Первым били Архипа.

Он неуклюже спускал с себя портки, задирает рубаху и ложился. Рядом становилась Варвара и подавала барыне розги. «Раз, – отсчитывала Мавра Ермолаевна, – два, три...» Двадцать ударов получал Архип.

Затем ложилась Варвара, а розги подавал Архип. Варваре, как бабе, полагалось десять ударов. Потом Архип убирал скамью, а Варвара вешала сушить розги.

После порки Архип запрягал мерина. И все ехали в церковь, к вечерне, молиться. Архип поёрзывал распухшим задом по сиденью и всё норовил привстать.

– Садись! – прикрикивала на него барыня. – Садись! Чай, не по лицу била. Нежности большой на том месте нет.

А после церкви ложились спать. Так и жили из года в год у помещицы Мавры Ермолаевны. Скучно жили.

Розги

Из-за розог и начались Митькины неприятности в новом доме.

Когда в первую же субботу после бани Архип притащил скамью и стал готовиться к порке, Митька спросил:

– Дядя Архип, а зачем розги?

– Пороть.

– Кого пороть? – удивился Митька.

– Кого? Вестимо кого: нас пороть, – ответил Архип.

– Так за что, дядя Архип?!

– Как – за что? – Архип посмотрел на Митьку, погладил свою кудлатую бороду, сказал: – Для порядку. Ну, чтоб помнили свое место, чтобы барыню уважали... А как же иначе! Иначе нельзя. Мужики, они, знаешь, народ балованный.

Смотрит Митька на Архипа, опять спрашивает:

– И меня бить будут?

– Ну а чего бы тебя не бить? – отвечает Архип. – И тебя пороть будут. С малолетства привыкать к порядку, стало быть, следует.

Больно было Митьке, когда пороли, а стерпел. И стало мальчику жалко и себя, и Варвару, и дядю Архипа. А больше всего обидно. Решил он розги спрятать. Так и сделал.

Полез в следующую субботу Архип за розгами, а их нет.

Бросился туда, бросился сюда – нет, словно и не было. Накинулась барыня на Архипа:

– За добром, рогозей, углядеть не можешь!

– Да тут они были, – оправдывается Архип и показывает на стену. – Они уже какой год тут висят, – и разводит руками.

Архип, Варвара, барыня – все розги ищут. Нет розог.

Тогда Мавра Ермолаевна позвала Митьку.

– Брал розги? – спрашивает.

– Нет, – говорит Митька. А сам чувствует, что краснеет.

– Врешь! – говорит барыня. – Брал. По лицу вижу, что брал. А Митька всё больше краснеет. Краснеет, но молчит. Решает:

не отдам, и всё.

Так и не нашли розог. А спрятал их Митька под барынину перину. Ну а кому могло прийти в голову такое!

Варвару и Архипа в этот день не пороли. А Митьке досталось. Надавала барыня ему тумачков и посадила в гусятник до той поры, пока не сознается.

Гуси

Страшно Митьке в гусятнике. Сидит, замер, не шелохнется. А гуси спокойно лежат на своих местах, словно бы Митьку не замечают.

Но вдруг гуси ожили. Вытянул гусак шею, зашипел: Ш-ш, ш-ш! За ним зашипели и остальные. Испугался Митька, поднялся. Тогда и гусак поднялся. А за гусаком, как по команде, все стадо. С испуга мальчик бросился к двери, забарабанил, что было сил, кулаком.

А в это время на улице как раз барыня была – уезжала в церковь.

Подошла барыня к двери, спрашивает:

– Одумался?

Не признаётся Митька, только колотит в дверь и кричит:

– Пустите! Ой, боюсь! Пустите! Ой, боюсь...

– А где розги спрятал? – спрашивает барыня.

Молчит Митька.

– Раз так, – сказала Мавра Ермолаевна, – пусть гуси тебя съедят.

Села барыня в возок и уехала. Стучит Митька в дверь. Никто не отзывается. Никого дома нет.

А гуси растопырили крылья, вытянули шеи и подходят к Митьке всё ближе и ближе...

– Кыш! – закричал Митька.

Гуси даже внимания не обращают.

– Кыш, кыш! Вот я вас! – отбивается мальчик, а у самого зуб на зуб не попадает.

А гуси в ответ шипят и тянут к нему свои страшные клювы.

Схватил тогда Митька палку и ударил по жожаку, да с такой силой, что перебил шею. Подпрыгнул гусак, перевернулся и сдох. И сразу гуси умолкли.

Перепугался Митька еще больше. Потом успокоился, прилег и заснул.

И приснился Митьке сон, что он дома. Отец что-то стругает, мать пряжу крутит. Дома тепло, хорошо.

Сидит на печи кот Васька, одним глазом на Митьку смотрит и как бы говорит: «А гуси, они ведь не страшные». Подходит Митька к коту, хочет погладить. Смотрит, а это вовсе не кот, а барыня Мавра Ермолаевна. Вскрикивает Митька, просыпается, а перед ним и впрямь стоит барыня, розги в руках держит.

Нашлись всё же розги! Приехала Мавра Ермолаевна из церкви, легла спать, а ей в бок что-то колет. Сунула руку под перину – розги!

Била Митьку барыня тут же, прямо в гусятнике.

А утром стала Мавра Ермолаевна гусей кормить и нашла своего любимого гусака мертвым. И снова пороли Митьку. На этот раз долго и больно.

Валенки

Первые дни жил Митька с Архипом и Варварой в каморке при баньке. А потом взяла барыня мальчика к себе в дом. Стал Митька у нее в услужении.

Целый день барыня Митьку то туда, то сюда...

Только и слышится:

– Митька, в погреб сбегай!

– Митька, половик стряхни!

– Митька, где ты? Ми-и-тька!

А вечером ляжет барыня спать и заставляет чесать себе пятки. Чешет Митька, чешет, пальцы устанут, а Мавра Ермолаевна все не засыпает.

Наконец заснет. Свернется и Митька, как щенок, калачиком. Только закроет глаза, слышит:

– Митька, воды подай!

– Митька, туфли найди!

И так до утра.

Или у барыни бессонница начнется. И опять Митьке не спать. Требуется барыня, чтобы Митька ей разные истории рассказывал. Уж он ей и про королевича Бову расскажет, и про Серого волка, и про господ Воротынских, и про старосту Степана Грыжу. А барыня – давай еще.

Днем-то барыня отоспится, а Митьке опять дело. Заставит Мавра Ермолаевна его пшено перебирать или горох растирать. Сидит Митька, глаза слипаются, спать хочется, но трет горох, перебирает пшено.

А как-то легла барыня после обеда и заставила Митьку сушить валенки.

– Да смотри, – говорит, – не спи! Валенки, они новые, далеко в печь не засовывай.

Сидел, сидел Митька возле валенок и вдруг заснул. Проснулся оттого, что горелым запахло. Сунулся в печь, а от валенок одни верха остались. От горелого проснулась и барыня.

– Митька! – закричала. – Митька, чего горелым пахнет?

Прибежала Мавра Ермолаевна, смотрит: у Митьки в руках одни верха от валенок.

И снова Митьку били. Всыпала ему барыня розог и приговаривала:

– Тебе что, ночи мало? Тебе еще и днем спать, паршивец, ненасытная твоя душа!

Дорога

И стало Митьке невмочь. Забьется куда-нибудь, плачет. Родную Закопанку, отца, мать, кота Ваську вспомнит.

Тяжело Митьке...

Решил он бежать из господского дома. Стал потихоньку на дорогу собирать сухари. Прятал их в коровник, под стойлом. Потом стал дорогу выспрашивать осторожно. Заговорил вначале с Архипом.

– Дядя Архип, а Чудово отседова, видать, далеко-далеко? – спросил Митька.

– Далекое, – ответил Архип. Потом почесал свою кудлатую бороду, подумал и еще раз сказал: – Далекое-о!

– А наше село Закопанка еще дальше? – опять спросил Митька.

Снова почесал Архип свою бороду, снова подумал и ответил:

– Должно быть, дальше.

Больше от него Митька ничего не узнал. Тогда он решил поговорить с Варварой.

– Село Чудово? – переспросила она. – Есть такое село. Только далёко ли оно, не ведаю. Я дале трех верст отсель не бывала. Ты спросил бы у Архипа – он человек знающий.

Понял Митька, что и от Варвары проку не будет, решил выведать про дорогу у самой Мавры Ермолаевны.

Выждал Митька, когда барыня была в добром настроении, и спросил:

– Барыня, а куда та дорога, что мимо усадьбы лугом идет?

– На мельницу, – сказала барыня.

– А та, что через мост, на тот берег реки?

Но барыня не ответила. Отвлекли Мавру Ермолаевну какие-то дела. Ушла.

Через несколько дней Митька опять к ней с тем же вопросом.

Посмотрела Мавра Ермолаевна на Митьку, потом взяла за ухо и спросила:

– Дорога? А зачем тебе знать дорогу?

Митька растерялся.

– Так я так, барыня... – начал Митька.

– Я те дам «так»! – перебила Мавра Ермолаевна. – Ты у меня смотри, опять розог захотел?.. Архип, Архип! – позвала. – Дай-ка розгу, я покажу, какая дорога куда ведет.

А через несколько дней барыня, зайдя в коровник, нашла Митькины сухари. Подивилась барыня, а потом поняла.

И снова в этот день Митьку били. Отлеживался он в баньке, стонал и всё выговаривал:

– Убегу... убегу...

Присаживалась к нему Варвара, по голове гладила.

– Ить, родненький, – говорила, – и куда ты отсель побежишь? Дороги отсель тебе нету.

Глава вторая

Даша

Граф Гуцин

Чтобы попасть в поместье графа Гущина, надо было из села Чудова ехать три версты полем, а потом еще десять лесом. А когда кончался лес и дорога выходила к реке, то, проехав мосток, надо было обогнуть усадьбу помещицы Мавры Ермолаевны, взять направо и ехать еще две версты по старинному парку, по липовой, ровной, как стрела, аллее.

И вот только тогда выросал из-за деревьев большой господский дом с шестью белыми колоннами, флигелями, барскими конюшнями, псарней и прочими дворовыми постройками. Это и было новгородское поместье графа Алексея Ильича Гущина – Барабиха. А вокруг Барабихи, не охватишь глазом, лежали графские земли. И лес, что стеной стоял на горизонте, был графский. И луг, что зеленым ковром тянулся вдоль берега реки, графский. И сёла, что раскинулись кругом, словно жуки расплозились, были графские. И люди, что жили в этих сёлах, – тоже графские. Двадцать тысяч душ крепостных имел граф Гуцин. Да и имение у Гущина не одно. Были графские земли еще под Смоленском и под Орлом, а в Петербурге, на Невском проспекте, стоял высокий, с каменными львами при входе дом Гущина. Здесь-то и жил сам граф. А в Барабиху навещался всего раз в год. Приезжал осенью или зимой. Жил несколько дней и опять уезжал в Петербург.

Все остальное время старшим в Барабихе был управляющий Франц Иоганнович Нейман. Лег десять назад, будучи послом в Пруссии, граф Гуцин привез тамошнего кучера Франца Неймана с собой в Россию. Нейман был расторопен, услужлив. Граф подумал и назначил немца своим управляющим.

Вместе с графом съезжались в Барабиху человек до тридцати разных господ. Устраивались развлечения. Каждый год новые. То охоту на медведей придумают, да еще так, чтобы обязательно живых изловить. То кулачные бои меж мужиками, да так, чтобы непременно кого-нибудь насмерть. То санные катания. А вместо лошадей впрягут в розвальни молодых парней и девок и наперегонки заставляют бегать. Потом призы вручают тому, кто пришел первым. Только призы давали не тем, кто вез, а тем, кто сидел в розвальнях и погонял.

А тут сообщил граф своему управляющему, что приедет на Новый год. И к приезду нужно организовать театр. Граф писал, что артистов пришлет из Петербурга. А управляющему наказывал, чтобы он набрал из местных мужиков и баб людей, склонных к пению и играм на инструментах, и чтобы к его приезду был в имении свой хор и оркестр. Однако о театре и музыке немец имел понятие малое.

То-то задал граф Гуцин задачу своему управляющему!

Дудка

Говорила Варвара, что не уйти Митьке от Мавры Ермолаевны. А получилось иначе. Только не так, как он сам думал.

По весне, как только появилась на лугу трава, барыня приставила Митьку к новому делу – пасти гусей.

Сделал Архип Митьке дудку. «Это, – сказал, – для каждого пастуха вещь первейшая». Варвара сшила торбу для хлеба, напутствовала: «Только смотри далеко от гусей не отходи. И упаси боже, чтоб в графские хлеба не зашли! Не ровён час, увидит сам Франца Иваныч, уже тогда тебе будет».

А про немца Митька уже слышал, и не раз, и всё недоброе.

«Этот Франца, – говорил Архип, – скупее свет не видывал. Он лошадям и то корм сам отсыпает».

«Немец-то антихрист, – шептала Варвара. – В церковь не ходит, постов не блюдет».

И чуть что, так пугала Митьку: «Вот барыня продаст немцу – будешь знать!»

Пасти гусей Митьке нравилось. Угонит их лугом подалее от дома, развалится на траве. Гуси ходят, траву щиплют, а Митька на дудке играет. И так наловчился, что Архип только головой качал: «Ить и здорово это у тебя получается!»

И вот однажды – дело уже летом было – угнал Митька гусей лугом почти до гушинского парка. Сел на бережку, заиграл на дудке и не заметил, как гуси зашли в графские овсы. А в это время с горки от графского имения спускался на дрожжах управляющий Франц Иоганнович и увидел гусей и Митьку.

– О майи гот!¹ – воскликнул немец, повернул лошадь и съехал на луг.

Вылез из дрожек, стал к Митьке красться. Переступил раз, два... и вдруг замер.

А Митьку ровно кто дернул. Обернулся – немец! Дудка сама из рук вон. А тут еще увидел гусей в овсах и совсем оробел. Вскочил – бежать!

– Стой, стой! – закричал немец. – О, ты есть музыкант!

Отбежал Митька в безопасное место, остановился. Взглянул – немец ничего такого дурного не говорит, а в сторону гусей даже не смотрит.

– Иди сюда! – манит немец. – Я есть не злой человек.

Поколебался Митька, потом подошел, однако встал так, чтобы чуть что – сразу бежать.

– О, ты есть музыкант! – снова сказал управляющий. – Ты чей есть? – спросил.

– Барыни Мавры Ермолаевны, – ответил Митька.

– Гу-ут, – протянул немец. – Зер гут!²

Потом нагнулся, поднял с земли дудку, покрутил в руке, усмехнулся. Порылся управляющий в кармане, достал кусок сахара, сунул Митьке, сел на коня и уехал.

Посмотрел Митька на сахар, хотел сгрызть, а потом спрятал в карман. Решил: как убежит – матери принесет гостинец. А про себя подумал: «Говорили – немец злой. Вовсе он и не злой».

Немой

Долго торговался немец с Маврой Ермолаевной. Наконец выменял Митьку на два мешка овса и старую графскую перину. Перина и решила всё дело. Уж больно хотелось барыне поспать на графском пуховике!

Привел немец Митьку в небольшую избу, сказал: «Здесь есть твой дом». Глянули на мальчика четыре женских глаза – два молодых, недобрых, два подслеповатых, старых, от которых повеяло домашним теплом.

Изба, куда привел управляющий Митьку, стояла тут же, на господском дворе. Жили в ней дворовая девка Палашка и тетка Агафья – барская повариха.

Вначале Митька всего боялся, а больше всего девки Палашки. Уже в первый вечер, когда ложились спать, Палашка стала кричать:

– И кой чёрт этого кутёнка сюда сунули!

Хорошо, заступилась тетка Агафья.

– Тише! – крикнула она. – Чай, не своей волей.

И погладила Митьку по голове.

– Не боись, – приговаривала, – не боись, соколик!

¹ О боже! (нем.)

² Хорошо. Очень хорошо! (нем.)

А потом, когда Митька познакомился с дворовым мальчишкой Тимкой Глотовым, то узнал, что от девки Палашки никому прохода нет. «Она немцу про всех доносит», – говорил Тимка.

Тимка рассказал Митьке и про другие дела, про то, что немец горькую пить любит. А как напьется, всех бьет и по-черному ругается. Рассказал Тимка и про ночного сторожа, деда Брошку. Митька еще в первую ночь слышал, как кто-то всё около их окон в колотушку бил. Это и был дед Брошка. «Он трус, – говорил Тимка. – Всю ночь крутится возле вашей избы – это чтоб Палашка знала, что он не спит».

Тимка был старше Митьки, и ростом выше, и в плечах шире. Ходил все эти дни Митька за Тимкой, как телок за маткой, и во всем слушался. А еще Тимка рассказал про господскую псарню и про немого, что за псами ходит. Тимка водил Митьку смотреть на немого.

Глянул Митька – и мороз по коже прошел. Зарос человек, как медведь, а ноздри – нет ноздрей, одни клочья болтаются.

– Что это? – спросил Митька.

– Разбойник, – ответил Тимка. – Вот ему ноздри и выдрали.

– Эй, немой! – крикнул Тимка и кинул в заросшего человека камнем.

Тот выбежал из псарни, неуклюже взмахнул руками, что-то замычал и бросился к ребятам. Тимка – раз! – и убежал. Митька не успел. Подскочил немой к нему, схватил за грудки, притянул к себе, к заросшему лицу с драными ноздрями.

– А-а! – закричал Митька.

А немой ничего не сделал, отпустил Митьку и ушел.

Всю ночь после этого немой мальчику снился. Вскрикивал во сне Митька. Просыпалась Палашка, тыкала его в бок.

– Цыц, поганец! – кричала. – Сила нечистая чтоб тебя забрала!

Артисты приехали

Хоть и пил немец, а хозяин был дельный. Вот и с оркестром. Менее чем через месяц собрал немец и оркестр, и певцов разыскал. В Чудово на базар ездил, в соседние поместья заглядывал, графские деревни исколесил – и набрал. А вскоре приехал из Новгорода оркестрант и стал вести занятия. И Митька ходил учиться.

К осени, как и обещал граф, прибыли в Барабиху артисты. Встречать прибывших высыпала вся дворня.

– Глядь, штаны-то какие, штаны! – кричал дед Ерошка и показывал на клетчатые, узкие, внизу со штрипками штаны высокого мужчины, ловко выпрыгнувшего из телеги.

– Юбка-то, юбка-то! И как в таких юбках ходят? – хохотала девка Палашка и тыкала пальцем в сторону молодой девушки.

Та смущенно улыбалась и прятала лицо в голубой шарфик.

Вместе со всеми встречать приехавших пришел и Митька. Стоял он рядом с Тимкой и, чтобы лучше разглядеть, по-гусиному вытягивал шею. И вдруг Митька увидел девочку. Была она совсем маленькая, зябко куталась в старенькое пальтишко, из-под которого выглядывала полосатая юбочка. На голове – Митька никак понять не мог – ни платок, ни шаль. Никогда Митька такого наряда не видывал. Девочка внимательно смотрела на встречающих и держалась за руку высокого, в штанах со штрипками.

Девочка Митьке понравилась. После этого Митька все ходил около барского флигелечка, где разместили артистов, – надеялся встретить. Да ему не везло. В первый день прогнала девка Палашка. На второй Митька чуть не попался на глаза самому немцу. И все же Митька девочку подкараулил. Спрятался как-то в кустах, а когда та проходила, выскочил. Выскочил да и сам испугался.

– Ты что? – спросила девочка.

А у Митьки язык словно дома остался.

– Ты что? – повторила девочка. – Как тебя звать?

– Митька я, Мышкин.

– А я Даша, – сказала девочка.

И Митьке от этого сразу стало как-то легко. Осмелел он и выпалил:

– А я тебя еще в первый день заприметил, ты в шали была!

– Да какая это шаль! – засмеялась Даша. – Это шляпка называется.

Митька смутился. Однако Даша улыбнулась. И мальчик опять ободрился.

– А хочешь, я тебе поместье покажу? – спросил он.

– Хочу, – ответила Даша.

Митька ходил, словно летал на крыльях. Сводил Дашу на конный двор, подвел к псарне, показал, где господские амбары, а потом повел в парк и всю дорогу про жизнь в имении рассказывал. И про деда Ерошку, и про Палашку, и про немца.

– А еще, – зашептал Митька, – у нас немой есть. Федька. Он разбойник. Ему ноздри выдрали.

Даша слушала внимательно, и Митьке было приятно.

– А этот высокий – он кто тебе, папаня? – спросил Митька, когда они возвращались домой.

– Нет, – ответила Даша. – Это Роланд.

– Кто? – переспросил Митька.

– Рыцарь Роланд, – повторила Даша. – Это роль у него такая.

– А мамка и папка у тебя тоже артисты? – спросил Митька.

– Да, – ответила Даша. – Только их продали князю Трегубову.

– Как – продали? – удивился Митька.

– Взяли да и продали, – ответила Даша. – Крепостные мы – вот и продали.

У Митьки от удивления даже рот приоткрылся.

– Как так: артисты – и крепостные? – усомнился он.

– Конечно, крепостные, – ответила Даша.

– Все крепостные? – переспросил Митька.

– Да.

– И тот, что штаны в клетку?

– Да.

А Митька все смотрел на Дашу и не верил: артисты – и вдруг крепостные!

Ушел

Жил Митька на новом месте, а все о своем думал – бежать. И снова стал собирать сухари на дорогу. Только поступал теперь умно: прятал сухари далеко, на конном дворе, в старой соломе.

А как-то сидел Митька с Дашей на обрыве реки и рассказал про свой план. И про сухари рассказал.

– Вот здорово! – воскликнула Даша. – А куда ты побежишь, Митя? – спросила.

– В Закопанку, домой, – ответил мальчик.

Сказал в тот день Митька, что убежит, а потом пожалел. Прошла вдруг у Митьки охота бежать. Назначил один срок – не ушел. Назначил другой – не ушел тоже.

А однажды Даша его спрашивает:

– Ты что ж, передумал?

Митька покраснел, надулся и ничего не ответил. А сам решил: «Уйду, в эту же ночь уйду!»

Дождался Митька вечера, лег на лежанку, а сам, чтобы не заснуть, с боку на бок переворачивается.

– Ты что, поганец, не спишь? – крикнула девка Палашка.

Затих Митька. Выждал, пока Палашка захрапела, полежал еще немного, потом соскользнул тихонько с лежанки, на цыпочках подошел к двери, приоткрыл ее так, чтобы та не скрипнула, вышел в сени, схватил армяк – и на улицу.

Думал Митька, что девка Палашка спит. А она притворялась. Заметила Палашка за Митькой последние дни странное, вот и стала приглядывать.

Только Митька за дверь, Палашка поднялась и тоже вышла. Митька побежал к конному двору. Палашка – за ним. Подходит, смотрит – мальчик что-то разгребает и мешок вытаскивает. Сухари это были. Только Митька мешок под мышку, а Палашка его за руку – хват! От неожиданности Митька вскрикнул, выронил мешок. Дернул было руку, но Палашка держит крепко. Забился Митька в руках Палашки, а потом изловчился и ухватил Палашку за руку зубами. Взвизгнула девка, выпустила Митьку. А он за сухари, через забор, мимо конного двора, за плетень – и в лес.

Ушел Митька.

Погоня

Подняла Палашка крик, бросилась к управляющему.

– Франца Иваныч! – будит. – Франца Иваныч!

Встрепенулся немец.

– Вас ист эс?³ – забормотал он.

– Митька бежал! – тараторит Палашка. – Митька бежал!

– Какой Митька? – не может взять в толк немец.

– Ну, Митька, тот, что на дудке играет, что у барыни Мавры Ермолаевны вы за перину выменять изволили.

– Так что есть Митька? – опять спрашивает немец.

– Утёк, говорю, мальчишка.

А в это время Митька был уже далеко от усадьбы графа Гущина. Пересек вброд ручей и шел лесом. Отбежал версты три, когда вдруг услышал собачий лай. Вначале Митька решил, что это в соседней деревне. Потом лай стал слышнее, потом всё ближе и ближе... Побледнел Митька: погоня! Побежал быстрее, не выбирая дороги, прямо через кусты. Хлещут ветки, ударяют Митьку в лицо, хватают за руки... Бежит Митька, тяжело дышит. «Загрызут, загрызут!» – бьется тревожная мысль. И вдруг словно кто подсказал! Бросился Митька к дереву. В темноте не разглядел – попалась сосна. Поцарапал руки, больно, но лезет. Пролез метра два. А в это время псы подбежали к дереву и пронеслись мимо. Собачий лай ушел куда-то в сторону. Митька облегченно вздохнул. Лай перекинулся на другое место. Потом псы заскулили, забежали по кустам – то там, то тут... И вдруг повернули назад, остановились у дерева, подняли страшный вой и заскребли о кору. От страха Митька полез выше. И вдруг – хрусть – обломился сучок! Митька хват за другой – и тот хрусть!

– А-а-а! – заголосил Митька и полетел вниз, прямо на собачьи спины.

Взвизгнули от неожиданности псы, разлетелись брызгами в стороны. А потом опять в кучу.

Лежит Митька, закрыл глаза; ждет, когда псы вцепятся.

³ Что это? (нем.)

А псы подбежали, истошно над самой головой лают, брызжут слюной, но не трогают. Приоткрыл Митька один глаз, потом второй; приподнял голову, смотрит – а перед ним Федька – драные ноздри!

Замычал Федор на псов, ударил одного арапником – те приумолкли. Встал Митька, а самому, оттого что немой здесь, еще страшнее. Федор ему показывает: мол, пошли. А Митька словно окаменел, с места не может сдвинуться. Подтолкнул немой Митьку; пошел тот, от страха еле ноги передвигает, повернуть голову назад не решается.

Шли назад окружной дорогой, часа два. Митька шел и все думал, что-то теперь будет! И не так боялся Митька порки, и даже Федора не так уж боялся, но стыдно было перед Дашей. «Ну, – скажет, – и убежать не смог!»

Думал Митька, что его поведут к немцу. Оказывается, нет. Привел Федор Митьку на псарню, отвел в свой закуток, расстелил рядно, показал: мол, ложись, и дал краюху хлеба.

Ушел куда-то Федор. А Митька лежит, понять не может. Чего это его Федор сюда привел, и чего они окружным путем шли, и чего это немой ему краюху сунул? Лежит Митька, уснуть не может.

«Вот ты где!»

– Вот те Франца всыплет! – кричала девка Палашка на Федора. – Мало тебе ноздри пообрывали, бока еще пообломают!

А Федор мычал и что-то руками показывал.

– Не догнал, Франца Иваныч, – докладывала утром Палашка немцу. – Утёк, поганец. Немой-то ни с чем вернулся.

Пошумел, пошумел немец и плюнул. Пригрозил всыпать и Палашке и Федору. Тем дело и кончилось.

К утру Митька сообразил: не хочет Федор его выдавать немцу. Живет Митька на псарне день, живет два. Федор еду ему приносит. Вечером присядет, по голове потреплет. Постепенно стал Митька привыкать к немому. А все-таки как-то боязно... Вспомнит, как дразнили Федора, и самому неловко.

Дней через пять повел с самого утра Федор собак прогуливать. Остался на псарне Митька один. Скучно стало в Федоровой каморке, вышел в сарай, где стояли собачьи клетки, решил размяться. Побегал Митька из угла в угол, верхом на пруту покатался. Только хотел опять в каморку вернуться, вдруг входит на псарню Франц Иоганнович, а за ним девка Палашка. А Митьке и податься некуда. Юркнул было за собачью клетку, но Палашка как закричит:

– Вон он, ирод, вон!

Подбежала Палашка к Митьке, схватила за шиворот, вытащила на середину сарая.

– А-а!.. – протянул немец. – Вот ты где!

– Тут, тут! – тараторила девка Палашка. – Я же говорила, Франца Иваныч, что немой наврал. Неспроста немой с кухни-то похлебку воровал. Я-то приметила. Ить, думаю, и зачем это он?

Пытался Митька вырваться, да где уж! Крикнул немец дворовых – связали Митьку. А через час, когда вернулся Федор, скрутили и Федора.

Пороли виновных тут же, на псарне. Били арапниками. Федора – двое взрослых мужиков, Митьку – Палашка.

– Ирод, – кричала Палашка, – вот тебе! Будешь знать, как честных людей обманывать! – и во всю силу врезала тяжелым арапником по худым Митькиным плечам.

Митька только ёжился и вздрагивал.

– Не кричишь? – приговаривала Палашка. – Я те заставлю кричать!

Митька стиснул зубы и молчал. Никто не заметил, как он потерял сознание.

«А он вовсе и не страшный»

Двое суток Митька не приходил в себя. А когда открыл глаза, не мог понять, где он и что произошло. Смотрит: рядом на корточках сидит девочка. Признал Митя – Даша, улыбнулся. Улыбнулась и Даша.

– Митя, – сказала, – жив?

– У-у, – промычал Митька.

– А мы-то уж думали... – Даша не договорила.

Посидела Даша, ушла. А потом пришла тетка Агафья.

– Ну, жив, соколик? – спросила. – А твоя-то Даша тут совсем исплакалась. «Это, – говорит, – всё я! Я его не отговорила». Дни и ночи возле тебя сидела. Спать не ложилась. Ахтёрка, а девка славная.

Поправлялся Митька медленно. Федор давно уже встал, опять с псами возится, а Митька всё лежит. И ходят к нему то Даша, то тетка Агафья, то обе разом. И Федор, чуть свободная минута, здесь же рядом, что-то мычит и на руках показывает. Только что, Митька понять не может, а чувствует: что-то доброе немой сказать хочет.

А как-то пришла тетка Агафья, и Митька – к ней.

– Тетка Агафья, – говорит, – а дядя Федор, он вовсе и не страшный.

– Не страшный, не страшный, соколик! – отвечает тетка Агафья. – А чего ему быть страшным? Ты слушай его, он, Митька, человек добрый, таких еще поискать нужно.

– А чего он немой? – спрашивает Митька. – И ноздри чего у него драные? Разбойник он? Он человека убил?

– Что ты, что ты, Бог с тобой! – замахала руками тетка Агафья. – Какой он разбойник! Все бы такими были! – Потом наклонилась к Митьке и зашептала: – Ты про мужицкого царя слышал?

– Про Емельку Пугачева? – спросил Митька. – Которому руки и ноги рубили?

– Какой он тебе Емелька! – повысила голос тетка Агафья. – Емелиан Иванович он! – И снова зашептала: – Федор-то был у Пугачева своим человеком. А как разбили Пугачева, схватили и Федора. Пытали, а потом разодрали ноздри и язык отрезали. Вот без малого пятнадцать лет такой он и есть. Ты его люби, Митя, – он человек хороший, – уходя, еще раз сказала тетка Агафья.

А вечером пришел Федор и присел на лежанку. Митька доверчиво улыбнулся, уткнулся ему в живот лицом, как, бывало, к матери, и стал гладить рукой по спине. И Федор своей шершавой рукой Митьку гладил. И сидели они молча весь вечер...

Около месяца пролежал Митька. И все эти дни Даша бегала на псарню. Приносила поесть, новости рассказывала. А вечером садились они с Федором к Митьке на лавку. Смотрел Митька на Федора, смотрел на Дашу, и было ему так хорошо, как в родной Закопанке.

Как скрипел снег

Поднялся Митька, когда уже снег выпал. Укрыл снег по-хозяйски господский дом, и псарню, и лес, и все поля, что вокруг виднелись. Вышел Митька на улицу, сощурил глаза от яркого снега, попрыгал с ноги на ногу, вздохнул полной грудью.

И снова жизнь пошла своим чередом. Только уж не ходил Митька больше в оркестр играть: поотстал за время болезни. Обошлись без него. Приставили пока Митьку к тетке Агафье на кухню – помой вытаскивать.

Нравилась Митьке эта зима. Хоть и мороз пошаливал и ветрено было, а Митька словно и не замечал. Чуть свободная минута – бежит к Даше. Позовет Тимка Глотов Митьку с собой

играть, а он: мол, не могу, занят, тетка Агафья не отпускает. А сам – к Даше. И бродят, ходят они по господскому парку, как тогда первый раз осенью.

И Митьке хорошо. В парке никого нет. Только прыгают с ветки на ветку белки. Много развелось их в парке, и стали они словно ручные. Цок, цок! – шелкают еловые шишки, только шелуха летит вниз. Сидят белки, шелкают орешки, на Митьку с Дашей поглядывают. Подмигнет Митька белкам, свистнет – те врассыпную.

А как-то ушли Митька и Даша далеко-далеко. Шли взявшись за руки, тащили за собой санки – надумали с гор кататься.

Шли, а потом Митька сказал:

– Садись, Даша.

Даша села. Митька вез санки, и было ему совсем не тяжело. Митьке было радостно, и снег весело скрипел под ногами – хрусть, хрусть!

А потом они съезжали с гор. Даша крепко держалась за Митьку и вскрикивала от страха. Санки подпрыгивали на буграх, и тогда сыпучими хлопьями взлетал из-под полозьев снег. А внизу санки переворачивались, ребята летели в пушистый сугроб и весело смеялись. Потом отряхивались и снова бежали на гору.

И вдруг Даша остановила Митьку, сказала:

– Митя, не хочу я... Не надо больше так. Не заходи больше ко мне.

Митька оторопел.

– Задразнили меня, Митя. Невестой зовут. И немец ругается, говорит: «Играть на театре тебя купили, а не для других дел». Не заходи, боюсь я...

Митька ничего не ответил. Шли домой молча. И Митя уже не вез Дашу, а шли они рядом и вместе тащили санки. Санки казались тяжелыми, ноги отяжелели, и снег хрустел уже вовсе не радостно, а зло и скрипуче, словно отругивался.

Генеральная репетиция

Обиделся в тот день Митька. Не забегал больше к Даше и старался на улице не встречать. И флигелек актерский обходил стороной. Словно вовсе и не было Даши.

А время шло и шло. И чем ближе к Новому году, тем быстрее, будто кто подгонял палкой. Артисты кончали последние приготовления, и вот наступил день генеральной репетиции.

Еще как-то раньше Даша говорила: «Митя, как будет репетиция, ты приходи, обязательно приходи! Пробеерись в зал, там еще дверь с резной ручкой, и встань у окна за занавеску. Только смотри стой тихо, виду не подавай!»

И вот Митька вспомнил эти слова. Вспомнил – и вдруг захотелось взглянуть на Дашу, да так, как и раньше никогда не хотелось.

«Пойду», – решил Митька.

Пробрался он в графский дом, прошел в зал, спрятался за штору; стоит, замер. Прошел час, а может быть, и два. У Митьки уже ноги затекать стали. Зашевелился, высунул голову, осмотрелся. Зал большой, длинный. В конце зала во всю ширь – занавес. А на стенах и справа и слева висят портреты. Смотрят из золоченых рам на Митьку какие-то старухи, старики в орденах и лентах, и какая-то дамочка с тростью в руках тоже смотрит.

Неприятно стало Митьке, спрятал опять голову. Но в это время за стеной послышались шорохи. Потом с шумом отворилась дверь. Глянул Митька: в зал вошел управляющий. Сел в кресло, хлопнул в ладоши, и занавес тотчас открылся.

И сразу на сцену высыпали артисты. Они двигались, говорили, пели. Пестрели цветные наряды – у Митьки даже в глазах зарябило. И вдруг выбежала девочка. Она ударила ножкой о ножку, присела, поклонилась в зал и закружилась. Митька не отрывал глаз. Потом занавес закрылся. Но через несколько минут он открылся снова.

Теперь Даша была в костюме мальчика. Она ходила за какой-то важной дамой и придерживала одной рукой подол ее длинного платья. В другой у Даши была шляпа с пером. В такт музыке Даша приседала и широко размахивала шляпой. Митька стоял как зачарованный.

Когда занавес открылся в третий раз, Даша была в наряде бабочки. Она носилась по сцене и легко подпрыгивала. А за ней бегал молодой принц и пытался поймать. Вот он почти настигал Дашу, и тогда у Митьки замирало сердце. Но Даша ловко выскользнула и убежала. Митька облегченно вздохнул. Наконец человек в костюме принца всё же схватил Дашу за крыло. Легкое крылышко обвисло. Даша бежала теперь как-то боком, волоча ногу. Митька чуть не вскрикнул. Но вот Даша выпрямилась, широко раскинула руки и вновь закружилась. Митька успокоился. И вдруг Даша упала. Митька вначале не понял, нарочно или в самом деле. И лишь по тому, как поднялся немец, как заругался на своем языке и полез на сцену, понял: не нарочно. Девочка встала, попыталась опять закружиться и снова упала. А немец уже поднялся на сцену и, держа в руке палку, шел к Даше. Девочка съёжилась, замерла.

Немец подошел к Даше, занес палку. И вдруг:

– Не бей! Не бей!

Митька сорвался со своего места и понесся к сцене. Он стал между немцем и Дашей:

– Не бей! Не бей!

И оттого, что появился вдруг Митька, Даша испугалась еще больше. Но немец уже забыл про девочку. Он потянулся к Митьке. Тогда Даша вцепилась в Митькину руку и повлекла его за собой к выходной двери – прямо на улицу. Они бежали, сами не зная куда, Митька и Даша-бабочка, в легком тюлевом наряде. А на улице трещал мороз и дул пронизывающий декабрьский ветер.

И вдруг Митька остановился.

– Даша! – окликнул он. – Даша!

А девочку трясло – то ли от холода, то ли от испуга. Митька обнял ее, худенькую, бледную, взял на руки, приподнял. Даша не сопротивлялась. Она обхватила его руками и вдруг заплакала. Заплакала тихо, про себя, как, бывало, Аксинья, Митькина мать, плакала.

А на улице бегали артисты, дворня, и на псарне истошно завывли собаки. Когда появился Митька с Дашей на руках, все расступились. Митька подошел к актерскому флигелечку. Толкнул дверь, переступил порог и положил Дашу на кровать.

Даша открыла глаза. Посмотрела на Митьку и сказала то, от чего у Митьки дыхание сперло:

– Митя, ты хороший! Ты смелый, Митя...

Даша заболела

Митьку немец не тронул – ждали господ. Но легче от этого Митьке не стало.

Заболела Даша. На следующий день начался у нее жар. Приехал доктор, послушал, покачал головой, сказал: застужены легкие.

Целыми днями Митька не находил себе места. Всё норовил пройти к Даше, но его не пускали. В окна пытался заглядывать, да окна завешаны.

– Всё из-за тебя! – журила тетка Агафья. – Из-за твоей дурусти.

И Митьку от этого как огнем жгло.

За три дня до Нового года приехали господа. А потом стали съезжаться гости. Собралось карет до двадцати. А Митьке все равно – даже и не взглянул. Доложили графу про болезнь Даши. Пришлось ставить другое представление. Вызвал оркестрант Митьку, сказал, что и ему придется теперь на дудке играть. Два дня сыгрывались. А вечером Митька бегал к домику Даши и, пока хватало сил, все вокруг флигелечка топтался. Выходила тетка Агафья (она теперь у Даши дежурила), гнала Митьку спать.

– Шел бы, соколик, домой, – говорила. – Ну что ты как неприкаянный!

А потом сжалится и пустит Митьку на часок в сенцы. Сидит Митька, все о Даше думает.

Страшное

Страшное случилось под самый Новый год. Шло представление. Митька сидел в последнем ряду оркестра: с дудкой ближе и не полагалось. Сидел Митька и ничего не видел, не слышал. По дороге в господский дом забежал он к тетке Агафье. Достал Митька тряпочку, развернул и вынул сахар, тот, что немец ему дал и что он берег для матери.

– Даше это гостинец, – сказал Митька и протянул сахар тетке Агафье.

А та вдруг заплакала:

– Снова приезжал дохтур, – зашептала, – ох худо Даше, ох худо!

Сидит Митька, играет на дудке, а у самого одна мысль: «Даша, Даша...» Никак не может себе простить Митька, что застудил Дашу.

Играет Митька, а что кругом творится, не понимает. Подает оркестрант ему какие-то знаки – не видит. «Громче, громче играй!» – шепчет сосед, а он не слышит. Толкают Митьку в бок, а он словно из камня скроен. Ноет у Митьки душа: «Даша, Даша...»

Не помнил Митька, как кончился спектакль. Господа хлопали, актеры кланялись, а он тихонько вышел на улицу и побежал к Дашиному дому.

Около дома тихо и пустынно. Дверь приоткрыта. Вошел Митька в сенцы, встретился с теткой Агафьей. Удивился: не останавливает его тетка Агафья, не удерживает. Вошел в комнату.

На лавке лежала Даша, тихая, спокойная. Глаза закрыты. В руках Митькин сахар зажат. Остановился Митька, замер. И вдруг видит: у Дашиного изголовья свечка. Колышется легкое пламя, поднимается чад. Посмотрел Митька на свечку – понял.

– А-а! – заголосил он и бросился к Даше. – Даша! – кричит. – Даша! Встань, Даша! – И льются по Митькиным щекам слёзы. – Даша, Даша!

Вернулись артисты. Входили в комнату, осторожно крестились. Стали полукругом.
– Увести бы мальчонку надо, – сказал кто-то.
– Пусть сидит, – ответила тетка Агафья. – Пусть плачет. От слёз оно легче бывает.
Потом подошла к Митьке, погладила по голове, зашептала:
– Пошел бы ты спать, соколик! Спать! – и осторожно подталкивает Митьку к двери.
Вышел Митька на улицу и побрел. Где бродил Митька, никто не знает. Да и сам он не помнит. Только в конце концов пришел к своему дому.
– Опять шлялся! – набросилась на него девка Палашка.
Потом посмотрела на лицо, осеклась: лицо у Митьки стало страшным. Испугалась Палашка, оставила Митьку в покое. Плюхнулся Митька на лежанку, уткнулся носом в рукав и снова заплакал. Вздрагивают худенькие Митькины плечики, стонет душа: «Даша, Даша...»
И в это время вдруг дед Ерошка забил в колотушку. Раз, два, три... двенадцать.
Наступил Новый год.

Пожар

Среди ночи Митька вышел на улицу. Сквозь легкий зипун сразу пробил мороз. Вь-ить! – просвистел ветер. Надвинул Митька покрепче шапку и двинулся к дому управляющего. Немец ложился спать. В окне горела свеча. Управляющий разделся, задул свечу, лег. Митька выждал время, подошел к двери, задвинул скобу и для надежности привалил колодой. Потом пошел на конный двор, взял охапку соломы и положил под дверь. Принес вторую и положил под угол дома, со стороны окна.

Огонь вспыхнул сразу. Языки пламени лизнули крыльцо, занялся угол.

Прибежал дед Ерошка.

– Пожар! – закричал он истошным голосом.

На улицу стали выбегать дворовые. Появился Федор. Протирала глаза, не понимая, в чем дело, заспанная Палашка. Никто и не обратил внимания на Митьку. От крика проснулся немец. Бросился к двери, забил кулаками и дико закричал. Люди не двигались с места.

Тогда вышла вперед тетка Агафья.

– Всё же человек, – сказала она, – побойтесь Бога! – и пошла к двери.

Но ее опередил Федор.

В руках у него оказался кол. Он влетел на крыльцо, стал спиной к двери и грозно замычал. Все замерли. И только выскочила девка Палашка.

– Ирод! – завопила она. Бросаясь к Федору, вцепилась в его кудлатую бороду. – Ирод! – кричала. – Убивец!

А немой лишь мычал, еще сильнее прижимая дверь плечами и неловко отбиваясь от девки Палашки. И по озаренным окнам металась огромная тень немца.

Митька постоял, постоял, потом повернулся и пошел к скотному двору. Там он перелез через изгородь и стал подниматься в гору, в сторону леса. На взгорье он остановился, взглянул на усадьбу. Там высоко в небо поднимались языки пламени. Потом разлетелись в стороны искры. Это рухнула крыша. И в то же время в господском доме вспыхнул свет: господа проснулись. Митька еще раз посмотрел на усадьбу и вошел в лес.

Глава третья Гвардейский поручик

Беглый

По тракту из Москвы в Петербург мчался на тройке молодой офицер. Мчался офицер по срочным делам, даже в новогоднюю ночь ехал. Верстах в трех от почтовой станции, что возле села Чудова, ямщик вдруг осадил лошадей. Слез с козел, нагнулся.

– Что там? – крикнул офицер из санок.

– Мальчонка, никак... – ответил ямщик. – Замерз, должно быть. Морозище-то какой!

– Ну, давай его сюда, – сказал офицер и приподнял укрывавшую ноги доху.

Положили мальчонку на дно санок, в теплое место. Отогрелся он, отошел, шевельнулся.

Приоткрыл офицер доху.

– Ты кто? – спрашивает.

Молчит найденыш.

– Ты кто? – повторил офицер.

– Митька я, Мышкин, – ответил мальчонка.

– Мышкин! – усмехнулся офицер. – Да как тебя сюда занесло?

– Беглый небось, – ответил за Митьку ямщик. – По всему видать, беглый.

– Н-да... – произнес офицер. – Так что же нам с тобой делать?

– Да что делать! – ответил ямщик. – Сдадим его, ваше благородие, на станции – там разберутся.

Впереди как раз мелькнул огонек. Санки подъезжали к селу Чудову. Соскочил ямщик с козел, отбросил с ног офицера доху.

– Вылазь и ты, беглый, – сказал Митьке.

Офицер пошел на станцию, ямщик замешкался у лошадей, а Митька – раз! – и в сторону.

Вышел офицер со смотрителем станции, а Митьки и след простыл.

– Тут был, – стал оправдываться ямщик. – И куда он девался? Утёк небось, как есть утёк.

Шустрый такой, не зря что беглый.

– Бог с ним, ваше благородие, – сказал смотритель. – Много их тут, беглых, шатается.

Двинул офицер ямщика по затылку рукой и опять ушел в дом. Угнал и ямщик лошадей.

А Митька в это время сидел за сугробом в придорожной канаве, не зная, как быть. И вдруг видит: подают новую тройку. Вышел офицер, сел в санки. Тогда Митька выпрыгнул из канавы, догнал санки и пристроился сзади на полозьях.

Резво бегут свежие кони, разлетается из-под полозьев снег, взлетают санки на ухабах – только держись! Держится Митька, слететь боится. Под дохой сидеть было тепло, а теперь холодно. Жметса Митька, трет ладошкой щеку, а сам чувствует – замерзает. И не стало у Митьки больше сил сидеть сзади. Покрутился, покрутился и стал пробираться по саночным распоркам к сиденью. Долез, смотрит – офицер спит.

Приподнял тогда Митька край дохи – и шмыг в санки! И сразу стало тепло, хорошо. Свернулся калачиком и заснул. Проснулся Митька оттого, что кто-то тормозит его за плечо. Открыл сонные глаза. Смотрит, над ним стоит офицер.

– Ты как здесь?

Митька все и рассказал. Засмеялся офицер.

– Вот я тебя сейчас властям сдам! – говорит, а у самого на лице улыбка. Понравился, видать, офицеру Митька.

Чувствует Митька, что офицер про власть просто так, чтобы припугнуть, говорит.

Повел офицер Митьку на станцию. Накормил и опять спрашивает:

– Так что же нам с тобой делать?

– Возьми с собой, барин, – произнес Митька.

– С собой! – усмехнулся офицер. – В Питер?

– Возьми, барин! – просит Митька. – Да я тебе всё, что хошь, буду делать. На дудке играть буду!

– На дудке? – переспросил офицер. – Ну разве что на дудке. – И опять улыбнулся.

Ночь была новогодняя. Выпил офицер чарку, потом вторую. В глазах появились веселые огоньки.

Может, если бы не выпил офицер в эту ночь лишнюю рюмку, так бы и остался Митька на большой дороге. Да от вина человек добреет. Взял гвардейский офицер с собой Митьку в Петербург.

В Петербурге

И началась у Митьки новая жизнь. Живет он в самом Петербурге на Невском проспекте, у поручика лейб-гвардии императорского полка Александра Васильевича Вяземского.

Гвардейский поручик Митьке нравился. Молод, весел поручик. Ростом высок, статен, а как наденет парадный мундир – глаз не оторвешь! А главное, Митьку не обижает. И Митька в лепешку готов разбиться, лишь бы угодить поручику. Кофе научился варить. Сапоги чистил так, что они за версту блестели; за табаком бегал, парик расчесывал. Был Митька вроде как денщиком.

А еще Митька бегал на Литейный проспект, к дому генерал-аншефа⁴ Федора Петровича Разумовского и там через девку Аглаю передавал для генеральской дочки от гвардейского поручика записочки и приносил ответы. Нравилось это Митьке. И дочка генеральская нравилась. Стройная, белокурая, не то что деревенские девки.

А еще Митька любил, когда поручик про войну рассказывал. Здорово рассказывал! У Митьки даже дух захватывало.

Пробыл Вяземский на войне год. Воевал с турками, к Черному морю ходил, реку Рымник переплывал, на стены турецкой крепости лазил.

Слушает Митька. А самому кажется, что это вовсе не поручик Вяземский, а он, Митька, вплавь через реку Рымник перебирается, лезет на стену турецкой крепости и гонит турка к Черному морю.

– Ну как, пойдешь в солдаты? – спрашивает поручик.

– Пойду, – отвечает Митька.

А вечерами, бывало, собирались у поручика товарищи. В карты начинали играть. Митька и здесь в услужении: вино разливает, пустые бутылки на кухню относит. Потом поручик заставляет Митьку на дудке играть. Играет Митька – все смеются. И Митьке весело. Нравилась Митьке поручиковы товарищи. Шумят, кричат, все молодые, шпорами звенят. А потом Митька двери за каждым закрывает и каждый дает Митьке по полкопейки. Проводит Митька гостей – поручика укладывает спать: стянет сапоги, мундир снимет, уложит Вяземского в постель и одеялом еще прикроет.

Останется Митька один. Наденет на себя гвардейский мундир, шпоры прикрепит, шпагу нацепит. Сядет Митька за стол, нальет рюмку вина, поднимет, выпьет.

Эх и жизнь! Нравилась эта жизнь Митьке.

⁴ Генерал-анше́ф – чин, предшествующий званию фельдмаршала.

Человека убили

Заспорили как-то поручик Вяземский с драгунским майором Дубасовым, кто важнее: офицер гвардейский или армейский.

– Гвардия есть опора царя и Отечества! – кричал Вяземский. – Гвардии сам Петр Великий положил начало.

– Опора, да не та, – отвечал Дубасов. – Гвардейские офицеры – одно только название, что гвардия. Сидите в Петербурге, на балы ходите. А кто за вас Отечество защищает, кто кровь проливает? Мы, армейские офицеры.

Обозлился Вяземский, полез в драку. Только Дубасов был умнее. Драться не стал, а бросил к ногам поручика перчатку: вызывал Вяземского на дуэль – стреляться.

Узнал Митька о случившемся, думает: «Как так, из-за такого дела – и стреляться? Мало ли на селе мужики спорят. Так ежели из-за каждого спора стреляться, скоро и живых не останется».

Достал поручик ящик с пистолетами, почистил, щелкнул Митьку по носу и поехал за секундантом.

Лег поручик в этот день раньше обычного. Лег и сразу заснул.

А Митьке не спится. «Как это так? – думает. – Завтра стреляться, а он хоть бы хны».

Утром, еще не рассвело, приехал за поручиком секундант.

Оделся поручик, умылся, выбежал на улицу и сел в возок.

– А как же я? – остановил его Митька.

– Что – ты? – говорит поручик. – Сиди дома, вари кофе. Через час буду. – Потом подумал, добавил: – А коли беда случится, поезжай, Митька, в Рязанскую губернию, разыщи поместье Василия Федоровича Вяземского, скажи: мол, так и так. У него и останешься. Понял?

– Понял, – ответил Митька, а самому про это и думать страшно.

И стал Митька ждать поручика. Ждет час, второй, третий. Нет поручика. «Ну, – решил Митька, – убили».

А вечером поручик вернулся. Весел, насвистывает что-то. Бросился Митька к нему.

– Ну как? – спрашивает.

– Что – как?

– Ну, дувель эта самая...

– А, дуэль! – усмехнулся поручик. – Что дуэль... Застрелил я его. Вот и всё. – И щелкнул Митьку опять по носу. – Только утром это еще было.

А у Митьки от этих слов как-то и радость прошла. «Чего стрелялись? – думает. – За что человека убили?»

На войну

Не сошла поручику дуэль с рук.

Про убийство майора Дубасова узнала сама императрица Екатерина Великая. Приказала она разжаловать поручика из гвардейских офицеров и направить в действующую армию.

А в это время как раз война с турками шла. Русские осадили турецкую крепость Измаил.

Под Измаил и послали Вяземского.

И стал он теперь не гвардейский офицер, а просто поручик армейский.

– Плохи наши дела, – сказал поручик Митьке. – Опять на войну. Да нам не привыкать! На войне еще интереснее.

И Митька думает: интереснее. А все же из Петербурга уезжать жаль. Да и не знает Митька, что с ним будет. Говорит поручику:

- А что со мной будет?
- Поедешь, – отвечает Вяземский, – в Рязанскую губернию.
- Вот те раз! – опешил Митька. Смотрит на поручика, чуть не плачет.
- Походил, походил, а потом подошел к Вяземскому, говорит:
- А возьми меня, барин, с собой!
- Как – с собой? – удивился поручик.
- На войну, – отвечает Митька.
- На войну?
- На войну.
- Так что ты там будешь делать?
- Турка бить буду, – говорит Митька.
- «Турка»! – расхохотался поручик. А сам подумал: «Может, и взять?»

И вот помчались поручик и Митька через всю Россию на перекладных от Балтийского до самого Черного моря. Менялись тройки, летели версты, проносились сёла и города. Митька сидел важный: Митька на войну ехал.

Измаил

Неприступной считалась турецкая крепость Измаил. Стояла крепость на берегу широкой реки Дунай, и было в ней сорок тысяч солдат и двести пушек. А кроме того, тянулся вокруг Измаила глубокий ров и поднимался высокий вал. И крепостная стена вокруг Измаила тянулась на шесть верст. Никак не могли русские генералы взять турецкую крепость.

И вот прошел слух: под Измаил едет Суворов. И правда, вскоре Суворов прибыл. Прибыл, собрал совет.

- Как поступать будем? – спрашивает.
- Отступить надобно, – заговорили генералы. – Домой, на зимние квартиры.
- «На зимние квартиры»! – передразнил Суворов. – «Домой»! Нет, – сказал. – Русскому солдату дорога домой через Измаил идет. Нет дороги отсель иначе!

И началась под Измаилом новая жизнь. Приказал Суворов насыпать такой же вал, какой шел вокруг крепости, и стал обучать солдат. Днем солдаты учатся ходить в штыковую атаку, а ночью, чтобы турки не видели, заставляет их Суворов на вал лазить. Подбегут солдаты к валу – Суворов кричит:

- Отставить! Негоже, как стадо баранов, бегать! Давай снова!

Так и бегают солдаты то к валу, то назад. А потом, когда научились подходить врассыпную, Суворов стал показывать, как на вал взбираться.

– Тут, – говорит, – лезьте все разом, берите числом, взлетайте на вал в один момент. Несколько раз Митька бегал смотреть Суворова. А как-то Суворов заметил Митьку и спрашивает:

– Что за солдат?

– Солдат гренадерского Фанагорийского полка! – отчеканил Митька.

– Ай-яй! – удивился Суворов. – Солдат, говоришь?

– Так точно, ваше сиятельство! – ответил Митька. К этому времени Митька уже научился рапорт как следует отдавать.

Посмотрел Суворов на Митьку, подивился, говорит:

– Ну, раз солдат, так другое дело. Солдатам у нас почет. – Снял Суворов свою шляпу и низко Митьке поклонился.

Только дело на этом не кончилось. Вызвал, оказывается, в тот же день Суворов поручика Вяземского и приказал Митьку домой отправить.

Загрустил Митька. Да и поручик привык к мальчику, отпускать не хочется. Тянули они с отъездом. А чтобы Суворову и генералам на глаза не попадаться, сидел Митька больше в палатке, все выходить боялся.

Между тем русская армия подготовилась к бою. Суворов послал к турецкому генералу посла – предложил, чтобы турки сдались. Но генерал ответил: «Раньше небо упадет в Дунай, чем русские возьмут Измаил».

Тогда Суворов отдал приказ начать штурм.

«Вставай, барин!»

В ночь на И декабря 1790 года русские пошли на приступ.

Отдернул Митька полог палатки, стал смотреть. Палатка как раз так стояла, что из нее крепость была видна. Только сейчас была ночь, туман, и Митька ничего не видел. Лишь слышал громыхание пушек и ровный гул солдатских голосов.

А когда наступил рассвет, Митька разглядел, что русские уже прошли ров, поднялись на крепостной вал и по штурмовым лестницам лезли на стену.

Шла стрельба. Над крепостью поднимался дым. На стене, один к одному, словно воробы на изгороди, сидели турки. А вокруг крепости – и прямо перед собой, и слева, и справа, куда хватал глаз, – видел Митька, как двигалось, как колыхалось и плескалось со всех сторон огромное солдатское море. И казалось Митьке, что это вовсе и не солдаты и Измаил не крепость, а гудит перед ним, перекачивается и воет огромный пчелиный рой.

И вдруг внимание Митьки привлек русский офицер. Опередив других, офицер уже был почти на самой стене. Он ловко карабкался по лестнице, взмахивал шпагой и что-то кричал. Присмотрелся Митька – и вдруг признал Вяземского.

Вот поручик пригнулся, вот снова выпрямился... Вот свалил выстрелом высунувшегося из-за стены турка.

– Ура! – закричал Митька. – Ура!

А поручик уже на стене. Еще никого нет, а Вяземский там. Стоит машет шпагой. Сбило с поручика шляпу, сорвало парик. Развеваются по ветру русые кудри. Отбивается поручик от турок и снова что-то кричит и кричит. И вот Вяземский уже не один, рядом с ним русские солдаты. Прыгают солдаты по ту сторону стены.

И вдруг видит Митька, как поручик хватается за бок. Роняет шпагу... Минуту держится... Потом приседает, неловко поворачивается и падает вниз.

– Барин, барин! – кричит Митька, выбегает из палатки и бросается к крепости.

Подбегает к стене, хватается за штурмовую лестницу.

– Ты куда? Смерти захотел?!

Митька не ответил. Кто-то схватил его за ногу.

– Пусти, дяденька! – Митька выдернул ногу и кошкой полез вверх.

Влез, глянул вниз – и чуть не вскрикнул. Там один на одном, крест-накрест и просто так лежали побитые солдаты: русские, турки – все вместе. А совсем рядом, в узких, запутанных улицах Измаила, шел бой и неслись крики... Страшно стало Митьке; хотел повернуть назад, потом перекрестился, закрыл глаза и прыгнул внутрь крепости.

Крадется Митька у самой стены, смотрит, не видать ли поручика. И вдруг видит: из-под убитого турка торчит знакомый сапог и шпора знакомая. Подбежал Митька, отвалил турецкого солдата, а под солдатом лежит поручик Вяземский.

– Барин, барин! – закричал Митька. – Вставай, барин!

А Вяземский лежит, не шелохнется. Приложил Митька ухо к груди поручика – дышит. Тихо, но дышит. Обрадовался Митька и опять свое.

– Вставай, барин, вставай! – трясет Митька поручика за плечо.

А Вяземский словно и не живой.

Взял тогда Митька поручика за ворот мундира и по земле потащил из крепости. Тяжело мальчишке – в поручике пудов до пяти, – но тащит. Плачет, но тащит. У самых ворот столкнулся Митька с Суворовым.

– Ты как здесь? – удивился Суворов.

– Да я... – начал было Митька и растерялся. Стоит, вытирает слёзы.

Посмотрел Суворов на Митьку, на раненого.

– Поручик Вяземский? – спрашивает.

Митька кивает головой.

– Тот, что крепостную стену первым взял?

Митька опять кивает.

Крикнул Суворов солдат, приказал унести героя. А Митьку подозвал к себе, отодрал за ухо и сказал:

– Беги вон, и чтобы духу твоего тут не было!

Медаль

Два дня и две ночи просидел Митька в санитарной палатке, у постели поручика Вяземского. На третий день поручик пришел в себя, признал Митьку.

А еще через день пожаловал в палатку Суворов.

Узнал Митька Суворова – спрятался. Поручик было привстал.

– Не смей! Лежать! – крикнул Суворов. Подошел к постели Вяземского. – Герой! – сказал. – Достоин высочайшей награды. – И спрашивает: – А где твой денщик?

– Так я, ваше сиятельство, отправил его в Рязанскую губернию, – отвечает Вяземский.

– Давно?

– Давно.

– Так, – говорит Суворов. – Дельно, хорошо, когда офицер исправен. Похвально. А то ведь вралей у нас – о-о! – сколько развелось.

– Так точно, ваше сиятельство! – гаркнул поручик и думает: «Ну, пронесло!»

А Суворов вдруг как закричит:

– Солдат гренадерского Фанагорийского полка Дмитрий Мышкин, живо ко мне!

Притаился Митька. Не знает, что и делать. А Суворов снова подает команду. Выбежал тогда Митька:

– Слушаю, ваше сиятельство! – и отдает честь.

Улыбнулся Суворов.

– Дельно, – говорит, – дельно! – Потом скомандовал «смирно» и произнес: – За подвиг, подражания достойный, за спасение жизни российского офицера, жалую тебя, солдат гренадерского Фанагорийского полка Дмитрий Мышкин, медалью!

Подошел Суворов к Митьке и приколот медаль.

Митька стоит, руки по швам, не знает, что и говорить.

А Суворов подсказывает:

– Говори: «Служу императрице и Отечеству».

– Служу императрице и Отечеству! – повторяет Митька.

– Дельно, – говорит Суворов, – дельно! Добрый из тебя солдат будет!

Потом повернулся Суворов к Вяземскому, сказал:

– Думал я тебя представить к высочайшей награде, а теперь вижу: зря думал. Негоже себя ведешь, поручик, приказа не выполняешь, командира обманываешь.

Покраснел поручик, молчит. И вдруг блеснули хитринкой глаза, и выпалил:

– Никак нет, ваше сиятельство!

– Что – никак?

– А как же я мог приказ выполнить, – говорит Вяземский, – коль дороги назад не было?

– Ай-яй! Не было? – переспросил Суворов. – Может, и вралей не было?

– Дорога солдату домой, – ответил Вяземский, – через Измаил ведет. Нет дороги российскому солдату домой иначе!

Посмотрел Суворов на поручика, крикнул, ничего не ответил. А через несколько дней пришел приказ простить Вяземскому дуэль с Дубасовым и отправить назад, в Петербург. Видать, понравился ответ поручика Суворову.

Простились поручик и Митька с армией. И ехали они опять через всю Россию на перекладных от самого Черного до Балтийского моря.

И снова менялись тройки, снова летели версты, снова проносились сёла и города.

Митька сидел гордый и медаль щупал. Солдат с войны ехал.

Прощай, Вяземский!

– Митька, друг ты мой, никогда тебя не забуду, никому не отдам! – говорил Вяземский.

Появился вскоре у поручика новый товарищ – капитан Пикин. Взглянул Митька на капитана: глаза навывкате, нос клювом, губы поджаты, на всех смотрит косо и даже ходит не как все, а как-то боком, правое плечо вперед.

Соберутся, как бывало, у поручика приятели. Все смеются, кричат. А капитан сядет в стороне, молчит, не улыбнется. Начнут офицеры про политику спорить, про дела государства говорить, заведут речь о мужиках: мол, неспроста мужики волнуются, так и жди нового бунта. А капитан спорящих прервет, скажет: «Мало с них шкуру дерут! Мало помещики порют – вот и распустились мужики! Вон Митька твой – и не поймешь, где холоп, где барин».

Заговорят офицеры про войну, про Измаил, Суворова вспомнят. А капитан и здесь слово вставит: «Суворов выскочка, счастливый, в сорочке родился. Вот и везет».

«И чего это терпит его поручик?» – думает Митька. А терпел Вяземский капитана потому, что любил Пикин играть в карты. Уж никто не хочет, а капитан играет. На картах они и сдружились.

Как и раньше, собираются у поручика молодые офицеры, да только Митьке уже перестали казаться хорошими прежние вечера. Митька уже и на дудке играет не так охотно, и вино разносит с опаской. Боялся Митька Пикина: чуял, что беда от него пойдет.

Так оно и случилось.

Сели как-то офицеры играть в карты. Вошли в азарт. Играли до полуночи и все проигрались. В выигрыше был лишь один капитан Пикин. Разошлись другие по домам, а капитана поручик не отпускает.

– Играй, – говорит, – еще.

– Как же с тобой играть, – отвечает капитан, – ты уже всё проиграл!

А поручик:

– Нет, играй.

Отказывается Пикин.

– Играй, – настаивает поручик. – В долг, – говорит, – играть буду.

– Нет, – возражает Пикин, – в долг не играю, хватит.

Понял Митька, что дело плохим кончится, подошел к поручику, говорит:

– Барин, спать пора.

А поручик резко оттолкнул Митьку и опять к капитану:

– Ставлю мундир!

Ну и снова проиграл Вяземский. Вошел поручик в еще больший азарт. Смотрит по сторонам, на что бы еще сыграть.

А Митька опять подходит, говорит:

– Барин, спать пора.

Посмотрел поручик на Митьку, блеснул в глазах огонек, и вдруг говорит капитану:

– Вот на Митьку ставлю.

Митьку словно огнем обожгло.

А капитан Пикин снова сдает карты и приговаривает:

– Что ж, Митьку так Митьку. Вот он у меня узнает, кто холоп и кто барин!

Сыграли, и снова проиграл поручик.

– Митька! – закричал Пикин. – Собирай свои вещи, да медаль смотри не забудь! Будешь у меня при медали сапоги чистить.

Митька не отозвался.

Встал капитан, вышел на кухню: смотрит, а Митьки не видно. Вбежал Вяземский:

– Митька!

Никто не отзывается.

– Митька! – снова закричал поручик.

А Митьки словно и не было.

Ушел Митька.

Смотрит Вяземский: только дверь на улицу слегка приоткрыта да лежит в углу забытая Митькой дудка.

Глава четвертая Добрый барин

Неожиданная встреча

Третий день Кривой Савва жил в Петербурге. Привез Савва из Закопанок соленые огурцы, продавал ведрами.

– Огурцы соленые! Соленые-моченые! Кому соленые? – надрывал он глотку.

Да только мало кто покупал. Огурцов на базаре и без того хоть пруд пруди.

На четвертый день с самого утра Савва опять стоял около своих кадок – продавал огурцы. А рядом с бочками лежала большая краюха хлеба. Савва по куску от нее отламывал и ел. Вдруг видит: чья-то рука тянется к краюхе хлеба. Схватил он руку. Обернулся – мальчишка. Посмотрел – Митька.

Признал и Митька Кривого Савву – растерялся.

– Жив! Ить те жив! – вскричал Савва. – Ух, радость-то какая! А мы тебя похоронили. Еще в тот год узнали, что ты от господ убег. А потом сказывали: уже по весне нашли в лесу замерзшего мальчишку. Так мы думали... ан нет, жив-таки!

И рассказал Савва Митьке и про отца, и про мать, и про всю Закопанку.

– Жизнь-то в Закопанке совсем расстроилась, – говорил Савва. – Распродали господ мужиков. Старосту Степана Грыжу – так и того продали. А родителей твоих, – говорил Савва, – сосед, князь и генерал Юсуповский, купили. Помещик-то у них добрый. А наши-то господа совсем разорились. Лесок, что по ту сторону речки, продали. Землицу, что от старой баньки шла, тоже продали. И из дворовых всего два человека осталось – девка Маланья да я. Кривой – никто не берет. Эхма, было времечко! – закончил свой рассказ Савва. – Другие нонче пошли времена.

– А вы тут чего, дядя Савва? – спросил Митька.

– Как – чего? Я теперь на месяц кажин раз в Питер ежду. Барыня посылают. Пшено вожу, редьку, огурцы. Оно дороже выходит... Да ты о себе расскажи, о себе.

Митька рассказал.

– Ить дела! – проговорил Савва. Потом подумал, сказал: – Митька, завезу-ка я тебя до родителей. Вот уж радость будет! А там, глядишь, князек ваш тебя и выкупит. Вот и заживете все вместе!

Всю дорогу Митька только и думал, что об отце и матери.

Ехали по талому снегу. Бурлили ручьи. Светило солнце.

И Митьке было легко и радостно.

– Дядя Савва, – спрашивал Митька, – а кот Васька жив?

– Жив, жив, – отвечал Савва. – Чего ему не жить!

– Дядя Савва, а барин – он добрый? Выкупит?

– Выкупит, – отвечал Савва. – Вот крест – выкупит!

Как и обещал, привез Савва Митьку домой.

– Аксинья! – позвал. – Аксинья! Принимай гостя.

Выбежала Аксинья, увидела Митьку, онемела от счастья. А потом как заголосит, как заплачет! Схватила Митьку, целует...

– Ох ты, мой родненький! – причитает. – Похудал... Ох ты, мой ненаглядный!

Вышел Кузьма, посмотрел на сына, признал не сразу...

– Что стоишь? – крикнула Аксинья. – Чай, сын прибыл... Митя, Митенька! – и снова заголосила.

На шум выбежал кот Васька. Посмотрел на Митьку, мяукнул; подошел, выгнув спину, задрал хвост и стал тереться о Митькины ноги.

– Признал, признал! – воскликнул Савва. – Ить ты, паршивец, признал!

А Митька стоял вытирая рукавом намокшие глаза. И не знал, плакать или смеяться. Митька был счастлив.

Блаженный

Князь Гаврила Захарьевич Юсуповский был генералом русской армии. Под Фокшанами генерал получил тяжелое ранение в голову, вышел в отставку и поселился в своем новгородском имении. Занялся генерал хозяйством. Усадьбу привел в порядок, дом перестроил. Накупил дворовых, тягловых мужиков прикупил. Выписал садовника из Петербурга и повара. И пошло генеральское хозяйство в гору. Барин был добр. Мужиков не обижал, на Пасху и Рождество гостинцами баб одаривал, а в день святого Гаврилы раздавал всем по пять копеек медью и бочку браги выкатывал.

Только стали мужики вскоре замечать за бариним какие-то странности. Забываться стал временами, на себя всякое наговаривал. То зажмет зубами кинжал, бегаёт по двору и кричит: «Турок я! Турок!» То положит на порог голову и заплачет: «Пугачев я, Емелька, рубите мне, вору и разбойнику, буйную голову!» А еще, когда грянет, бывало, гром, бледнел барин и начинал шептать: «Война, война, снова турка в поход идет!»

В день приезда Митьки побежал Кузьма к князю, бросился в ноги.

– Не откажи, барин! – просит. – Уж пожалей, откупи сынка у графа Гущина!

Рассказал Кузьма генералу про Митьку, стоит на коленях, просит.

– Вот оно как! – удивился генерал. – На войне, говоришь, был?

– Был, был! – зачастил Кузьма. – Медаль с той войны привез.

– Меда-аль? – протянул генерал.

Приказал князь привести к нему Митьку.

– Падай, падай барину в ножки! – подталкивает Кузьма Митьку.

А Митька по-солдатски отбил шаг, подошел к генералу и докладывает:

– Солдат гренадерского Фанагорийского полка Дмитрий Мышкин прибыл!

У Кузьмы от удивления рот раскрылся. «Ну, всё испортил», – решил.

Оказывается, нет. Взглянул генерал на Митьку, сказал: «Вольно». Потом обошел вокруг Митьки, осмотрел со всех сторон, медаль пощупал и ответил: «Ладно. Откуплю».

Кузьма бросился целовать барскую руку. А генерал вдруг как закричит: «Не трожь, не трожь, сейчас взорвется!» Отскочил Кузьма, стал неловко кланяться и пятиться к выходу.

– Что с ним, тять? – спросил потом Митька.

– Блаженный, – ответил Кузьма.

И вот снова живет Митька в родительском доме. И снова помогает отцу и матери.

А вечером все соберутся в светелке. Отец что-то стругает, мать веретено крутит. А на печи сидит кот Васька и, как прежде, смотрит на Митьку хитрым взглядом. И всем хорошо. И мирно трещит лучина, и от каждого вздоха, словно живое, колыхнется яркое пламя.

Карты

Неделю Митька прожил спокойно, а потом вызвал его к себе барин.

– Давай, – говорит, – играть в карты. Я тебя этому искусству враз обучу.

Вначале стал генерал Митьке карты показывать.

– Это, – говорит, – двойка, это тройка, это семерка. Так что старше, – спрашивает, – двойка или семерка?

– Семерка, – отвечает Митька.

– Правильно, – говорит генерал. – Молодец!

Потом стал объяснять картинки.

– Это, – говорит, – валет, это дама, это король. Кто старше?

– Король, – отвечает Митька.

– Правильно, – говорит генерал. – Ну, дело у тебя пойдет.

Потом объяснил генерал про масть. Треф и пика – черные, бубен и червь – красные.

– Треф и пика – черные, – повторяет Митька, – бубен и червь – красные.

И стал генерал учить Митьку играть в «подкидного дурака». А чтобы было интереснее, договорились бить проигравшему по носу тремя картами.

Вначале Митька только проигрывал. Набил ему за эти дни барин нос так, что нос стал у Митьки вроде красной свеклы. И так пристрастился генерал бить картами, что игре еще и конец не пришел, а он уже готовится и приговаривает:

– Вот я тебя сейчас! Будешь знать, шельмец, как со мной в карты играть!

А когда лупил, тоже приговаривал:

– Так тебе и надо, так тебе и надо! Не берись играть, коль не умеешь.

Но вот наступил день, когда Митька выиграл.

– Как это так? – проговорил генерал. – Ты, шельмец, небось карты подмешал?

А Митька ничего и не подмешивал. Так оно само вышло. Ну и пришлось генералу подставлять свой нос.

Митька бил осторожно.

Опять сыграли. Барин проиграл снова. И снова Митька бьет по генеральскому носу. Только теперь Митька осмелел и бьет сильнее. И третью партию проиграл барин. На этот раз Митька ударил во всю силу.

Начал барин кипятиться. А чем больше он кипятится, тем и играет невнимательнее. И стал у генерала нос краснеть. Видит барин – дела плохи. И как Митька выиграл снова, схватил палку и Митьку по мягкому месту – раз, два! «Ты, – говорит, – шельмец, плутуешь».

И только Митька выиграет, барин за палку и бьет.

Вернулся Митька домой – весь зад в синяках. Лег спать, думает: «Проиграл – плохо, выиграл – плохо! Пойми ты ее, барскую душу!»

Решил Митька на следующий день больше у барина не выигрывать, поддаваться. Все же по носу, решил, не так больно.

А генералу, видать, понравилось бить Митьку палкой. Решил он тоже поддаваться и за каждый выигрыш его драть. Блаженный был генерал.

Вот сели они играть на следующий день. Митька поддается, и генерал поддается. Так они и играют в «дурака» на проигрыш. И все Митька проигрывает. Хотел барин Митьку палкой бить, а теперь, выходит, нельзя: нужно картами по носу. А это генералу уже наскучило.

Пытается барин проиграть, а все не получается. Разозлился тогда генерал, крикнул на Митьку:

– Пошел вон! Не умеешь играть, а лезешь!

С той поры они уже в карты не играли.

«Императрица»

Прожил Митька еще неделю спокойно. А потом его снова кличут к барину.

– Будешь, – говорит генерал, – за императрицу Екатерину Великую.

Удивился Митька, думает: как же это он будет за императрицу?

А барину пришла в голову блажь, что должна к нему приехать императрица в гости. Она в это время как раз через Новгород из Петербурга в Москву ехала. Все вокруг только

об этом и говорили. Вот и решил генерал всех удивить. Сшили Митьке женский наряд. А на следующий день прошел по селу слух, что в гости к генералу едет сама императрица Екатерина Великая. Собрали к господскому дому мужиков и баб. Разложили на крыльце ковер. Ждут. И вот карета въехала. Сам барин выбежал «императрицу» встречать. Мужики и бабы упали на колени. Никто и не обратил внимания, что карета господская, а на месте кучера свой же мужик, дядя Игнат, сидел.

Открыл генерал дверцу кареты, поклонился, а из кареты выходит Митька.

Ахнули мужики – ну и блажь...

А барин взял «императрицу» под руку и повел в дом. Митька идет, путаются ноги в юбке. Привел барин Митьку в зал, а там стол накрыт. Усадил генерал Митьку.

– Ваше величество, – говорит, – не откажите принять нашу убогую трапезу.

Ест Митька; барин ему вина наливает. А после еды генерал говорит:

– Ваше величество, извольте в ваши апартаменты проследовать.

И повел барин Митьку по комнатам в спальню. Идет Митька, пошатывается. Смотрит, а в спальне уже кровать приготовлена.

– Приятной ночи, ваше величество! – сказал генерал и удалился.

А Митька от вина опьянел, так в наряде и залез под одеяло.

Спал в эту ночь Митька крепко. Проснулся утром, потянулся, вспомнил вчерашний день – самому смешно стало. А в это время вдруг открывается дверь, входит барин. Посмотрел барин на Митьку.

– Ты что тут, поганец, делаешь?

– Императрица я, – говорит Митька.

– Что?! – заревел генерал. – «Императрица», паршивец? Вот я тебе дам «императрицу»!

Понял Митька, что прошла у генерала блажь, вылез из-под одеяла – и бежать! Да запутался в юбках.

Схватил его барин и давай лупить. Бьет и приговаривает:

– Вот я тебе покажу «императрицу»! Мужик, а бабой прикидываешься! Имя монаршее позоришь!

Еле вырвался Митька.

А вечером Митьку опять позвали в господский дом. И снова он был за Екатерину Великую. Когда отвел генерал Митьку в спальню, он ложиться не стал, а потихоньку убежал из барского дома.

На следующий день Митька ждал, что генерал позовет. Однако за Митькой никто не прибежал. Ни в этот день, ни на другой, ни в третий... Видать, прошла барская блажь.

«Ать, два, левой, правой!»

В третий раз генерал вспомнил про Митьку к концу лета.

– Ты на войне был? – спросил барин.

– Был, – ответил Митька.

– Медаль получил?

– Получил.

– Так приходи завтра, да по всей форме! Посмотрим, какой из тебя солдат.

Пришел Митька, и начались с этого дня учения. Является Митька с самого утра. Генерал уже одет – в мундире, при погонах и шпаге. Ждет. Выходят генерал и Митька во двор, начинаются учения.

– Смирно! – кричит генерал. – Так, – говорит генерал, – верно.

Потом подает команду: «Направо, шагом марш!» Дойдет Митька до конца двора – генерал кричит: «Кругом!» Поворачивается Митька. И так до самого обеда ходит Митька по двору от одного угла до другого. А генерал идет рядом: «Выше ногу, шире шаг! Ать, два, левой, правой! Ать, два, ать, два!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.